

Журнал практического психолога № 6, 2006

Научно-практический журнал
Издается с января 1996 года

Специальный выпуск:

10 лет кафедре прикладной психологии Белорусского
государственного педагогического университета

Оглавление:

Слепкова В.И. Научно-практический потенциал кафедры прикладной психологии 3

I. Семейная психология

Слепкова В.И., Жогаль Е.М. О непротиворечивости психоаналитического подхода к семье системно 10

Кравцова М.В. Влияние sibлинговых отношений на эмоциональное состояние подростков, лишенных родительского попечения 20

Фурманов И.А. Проявления психологического насилия в супружеских отношениях 27

Зайцева Т.В. Карьерная и семейная идентичность супругов 34

Степанова Л.Г. Позитивная и негативная роль гендерных стереотипов в формировании самопредела личности 39

Велента Т.Ф. Взаимосвязь структуры молодой семьи и эмоциональных отношений в расширенной семье как проблема психологического исследования 45

Якубовская А.А. Гендерная адаптация транссексуалов 48

Агейко О.В. Семейное и организационное консультирование: сходства и различия 53

Лагун И.В. Sibлинговые отношения как ресурс развития личности ребенка 58

II. Специальная психология

Слепкова В.И., Поляков А.М. Белорусская специальная психология: совместность и новации 61

Лавренко Т.И. Изучение объяснения эмоциональных состояний другими людьми слабовидящими младшими школьниками 76

Савилюс А.И. Динамика становления представлений о себе и одноклассниках у умственно отсталых учащихся в контексте межличностных отношений 83

Давидович А.А. Нейропсихологическая структура интеллектуальной деятельности счета в младшем школьном возрасте 90

Степанова Л.Г.

ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ РОЛЬ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ФОРМИРОВАНИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Гендерные стереотипы выступают в жизни общества как образцы, фиксирующие опыт, как определенные групповые правила деятельности. Их регулятивный, предписывающий нормативный характер виден в самом определении стереотипов как массовых, стандартных, повторяющихся элементов деятельности, сознания и поведения социальных субъектов.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что гендерные стереотипы относительно. Их содержание не совпадает в разных культурах, что очень хорошо проиллюстрировал Д. Гилмор в своем кросскультурном исследовании мужественности, в котором он подчеркивает, что маскулинность (как и фемининность) — «это символический текст, культурный конструкт, бесконечно разнообразный и не всегда необходимый» [2, с. 236].

Психологическое содержание стереотипов способствует их участию в нормативной регуляции общественных отношений посредством таких социально-психологических механизмов, как внушение, заражение, идентификация и подражание. Это определяет такой способ заданности гендерных стереотипов субъекту, когда он воспринимает их неосознанно, порой и чисто внешне. Будучи интериоризированными, став достоянием личности, гендерные стереотипы перестают быть строго внешними и становятся внутренним фактом личности. В таком качестве их понимают как когнитивные схемы, определяющие субъективную значимость информации [1, 7].

Гендерные стереотипы являются существенным элементом многоуровневой саморегуляции поведения субъекта, выполняющие в поведении мотивирующую роль. Высокая вариабельность гендерных стереотипов характеризуется тенденцией отвечать на воздействия среды

целесообразным адекватным поведением; инварианбельность можно характеризовать как приспособительную ригидность, когда индивид проявляет тенденцию упорно придерживаться жестких стереотипных схем деятельности и поведения, традиционно приписываемого его полу, то есть приспособлять ситуацию к себе, а не приспосабливаться самому. Стереотипы маскулинного и фемининного поведения имеют свою позитивную, стабилизирующую деятельность, роль. Но они же могут и ограничивать эффективность из-за недостаточности учета и использования многообразных условий и средств деятельности. Такое понимание гендерных стереотипов позволит полнее видеть картину процесса формирования самоопределения личности.

Мы исходим из предположения, что существует зависимость между особенностями гендерных стереотипов личности и самоопределением. Основаниями такого самоопределения являются эмоциональная направленность всей жизни человека (его внутренняя позиция), наличие некоторой жизненной цели (ведущий мотив) и свободный выбор человеком самого себя, своего способа жизни. Причем гендерные стереотипы являются элементом в структуре самоопределения и обладают смыслообразующими мотивационными характеристиками. В юношеском возрасте при сочетании традиционно маскулинных и фемининных качеств осуществление выбора своего жизненного пути, своего способа жизни, нахождение своего места в обществе происходит более эффективно, а наличие жестких, традиционных стереотипов затрудняет процесс самоопределения — снижая уровень самоопределения, ограничивает возможности личностного роста.

Методологической основой исследования стали:

- 1) Теория социального конструкционизма Дж.Джерджена.
- 2) Теория гендерной схемы С.Бем, которая предполагает, что полтипизация возникает в большей степени из процесса гендерной схематизации, из обобщенной способности кодировать и организовывать информацию (включая информацию о себе) в соответствии с культурными определениями мужского и женского. Как и в когнитивной теории развития, в теории гендерной схемы развивающийся ребенок рассматривается как активное лицо, действующее в своем собственном социальном окружении. Но, как и теория социального научения, теория гендерной схемы не считает полоролевое поведение ни неизбежным, ни неизменным и не поддающимся изменению явлением.

1) Концептуальная схема половой идентичности В.Е.Кагана о том, что маскулинность и фемининность являются независимыми взаимодополнительными измерениями личности.

Согласно теории С.Бем, индивидуумы, испытавшие влияние половой типизации, используют гендерные схемы в большей степени, чем индивидуумы, не подверженные этому культурному процессу. С.Бем определяет индивидуумов, высоко оценивающих себя по типично маскулинным чертам (таким, как «уверенный в себе», «независимый»), но низко — по типично фемининным чертам («бережливый», «нежный»), как маскулинных; индивидуумов, для которых характерен противоположный паттерн, определяет как фемининных; а индивидуумов, описывающих себя как обладающих и маскулинными и фемининными чертами, определяет как андрогинных.

Результаты нашего исследования позволяют констатировать, что у юношей и девушек андрогинного типа имеется более богатый репертуар полоролевого поведения, чем у носителей традиционных стереотипов или недифференцированных. Андрогиния способствует широкому использованию имеющегося репертуара в зависимости от требований ситуаций инструментальности (традиционно маскулинных паттернов) или экспрессивности (традиционно фемининных паттернов). Юноши и девушки андрогинного типа оценивают свое профессиональное будущее как эффективное, успешное, чувствуют удовлетворенность характером этих профессиональных отношений, ощущают гармонию в межличностных отношениях, в качестве основной составляющей жизненного успеха считают собственную активность. Считают, что именно широкое использование имеющегося репертуара маскулинных и фемининных паттернов в зависимости от ситуации способствует формированию их устойчивости к стрессам и помогает в достижении успеха в различных сферах жизнедеятельности. У юношей и девушек андрогинного типа прослеживается преобладание и рост прогрессивно-созидательно-творческого варианта мотивационного профиля, что обеспечивает у молодежи развитие личности с тенденцией к созиданию, творчеству, социально зрелому поведению. Совмещение маскулинных и фемининных черт, их соотношение в целостной системе гендерной идентичности обеспечивает адаптационно-компенсаторные функции. Такая совокупность маскулинных и фемининных черт, независимо от половой принадлежности, представляет более гармоничный

стандарт, более приспособленный к жизни в современном обществе, чем ригидная типизация гендерных ролей.

Так же было выявлено, что девушки и юноши, у которых были обнаружены преимущественно ситуативные смысло-жизненные ориентации, направленные на решение конкретных материальных трудностей, низкая познавательная активность (низкий уровень эмоционально-ценностного отношения), а также отсутствие дифференцированности мотивов характеризуются ригидной типизацией гендерных ролей. Кроме того, у девушек наблюдается фрустрация потребности в достижении (стремление к перфекционизму, сверхзначимости достижений, прямолинейности в достижении цели любыми средствами, или гипермаскулинность — по Л.П.Есеевой), что ведет к личностной дисгармонии. В результате дисгармоничного развития этих потребностей формируется гендерный конфликт — конфликт самоидентичности, который можно определить как «ложную дилемму» жесткой дихотомии маскулинности-фемининности. Это согласуется с данными других исследований, в которых обнаружено, что жесткое, строго регламентированное следование гендерным стереотипам приводит к формированию интроекта, неинтегрированной части Я, следствием чего является нарастание внутриличностного конфликта (М.В.Коваленко). Выявленные тенденции у девушек позволяют его считать в определенном смысле критическим.

На основании проведенного корреляционного анализа была составлена типология гендерных стереотипов юношей и девушек. В основу предложенной типологии легли взгляды В.Е.Кагана [3], И.С.Клецкой [4], а также наши собственные результаты, полученные в ходе проведенного исследования.

Традиционный тип. Общим для юношей и девушек традиционного типа являются наличие ситуативно-перспективных смысло-жизненных ориентаций, средней познавательной активности, а также минимальных показателей прогрессивных творческих тенденций и максимальных показателей потребительских тенденций. Не стремятся к самоизменениям.

Инверсированный тип. Общим для юношей и девушек инверсированного типа являются преобладание побуждений к комфорту, поддержанию жизнеобеспечения и общению (регрессивные тенденции в мотивационной сфере); негативное самоотношение, что свидетельст-

рует о сильном когнитивном диссонансе, что в сочетании с высокой ригидностью Я может приводить к депрессивным состояниям.

Для девушек этого типа риск профессиональной и личностной дезадаптации выше не только в силу особенностей стиля жизни (эмоциональной — у женщин и предметно-инструментальной — у мужчин), но и в силу большей подверженности изменчивым социальным стереотипам гендерных ролей, в том числе крайним, утрированным их вариантам. Возникает потенциально конфликтное противоречие между ориентацией на традиционные декларативные аспекты мужественности и ориентацией на фемининную установку, реализующуюся в построении переживаний и поведения. Это еще раз подтверждает и дополнительно аргументирует положение о необходимости не только предотвращения феминизации юношей, но и предотвращения психологической маскулинизации девушек.

Аморфный тип. Общим для юношей и девушек этого типа являются преимущественно ситуативные смыслоразножизненные ориентации, направленные на решение конкретных материальных проблем, средняя познавательная активность (средний уровень эмоционально-ценностного отношения), а также отсутствие дифференцированности мотивов. Испытуемые данной подгруппы характеризуются нечеткостью маскулинных и фемининных черт (ригидная типизация половых ролей). Склонны к защите собственного Я, проявляют тенденции к закрытости и ригидности, испытывают своеобразный духовный «голод», разочарование в учебе, в жизни и в себе самом, не стремятся к самоизменениям. Проходя через быстрое расхождение мотивов деятельности, возникает даже желание уйти из вуза, поменять специальность. Появление кризисных тенденций в сочетании с высокой ригидностью Я может приводить к депрессивным состояниям, что свидетельствует о необходимости работы психолога по снятию фрустрирующих состояний и закрытости, развитию способности к восприятию нового и самоизменению.

Андрогинный тип. Общим для девушек и юношей андрогинного типа являются перспективно-творческие смыслоразножизненные ориентации, высокая познавательная активность (высокий уровень эмоционально-ценностного отношения), а также преобладание творческих созидательных тенденций в мотивах над тенденциями к потребительству. Они характеризуются совмещением маскулинных и фемининных черт, их соотношением в целостной системе половой идентичности,

обеспечивающим адаптационно-компенсаторные функции. Гибкость полоролевой идентичности приводит к гибкости, адаптивности поведения [5, 6].

Полученные данные свидетельствуют, с одной стороны, о необходимости выработки оптимальных поведенческих установок, побуждающих к исследованию взаимосвязи полоролевых стереотипов на уровне установочного (реального) знания, оперирующего понятиями маскулинности и фемининности как аддитивными, что может достигаться путем кропотливой просветительской работы, непосредственным взаимодействием с молодежью в рамках психологического консультирования, с другой стороны, необходимо менять функционально-ролевые ожидания студентов и учитывать их в своей практической деятельности как педагогам, так и психологам, работающим с юношеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему равенства полов. — М., 2004.
2. Гилмор Д. Становление мужественности: Культурные концепты маскулинности. — М., 2005.
3. Каган Р. Е. Половая идентичность у детей и подростков в норме и патологии. Дис. доктора мед. наук. — Л., 1991.
4. Клейман И. С. Психология гендерных отношений. — СПб., 2004.
5. Степанова Л. Г. Особенности дифференциации полоролевых стереотипов у студенческой молодежи // Научные, социальные и культурные проблемы студенческой молодежи. Ч. 2. — Мн., 2001. С. 207–210.
6. Степанова Л. Г. Особенности дифференциации полоролевых стереотипов у юношей и девушек // Женщина. Образование. Демократия. — Мн., 2002. С. 272–275.
7. Martin C., Halverson C. A schematic processing model of sex typing and stereotyping in children // Child. Develop. 1979. № 50. P. 364–371.